# ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОРЯДКОВ И ИНСТРУМЕНТЫ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО ВЛИЯНИЯ: ЭКОНОМИКА, КУЛЬТУРА, ИНСТИТУТЫ

## ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ТЕНДЕНЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИПЛОМАТИИ И ПРОДВИЖЕНИЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ

*Научная статья*

***Т.Н. Букреева***

*Юго-Западный государственный университет*
*Курск, Российская Федерация*
*ORCID: http://orcid.org/0000-0001-7010-4591*
*E-mail: bukreeva@gmail.com*

*В статье исследованы отдельные аспекты политики России на постсоветском пространстве, рассмотрена динамика построения внешнеполитических и экономических отношений с Украиной в период 1992–2020 гг., выявлена активная реализация Россией экономической дипломатии в отношениях с бывшими республиками СССР. Автор отмечает действенное вмешательство стран «запада» в реформирование политической, социально-экономической, военной и идеологической систем постсоветских республик. В результате экономическая дипломатия России при ослаблении внимания к национальным политическим интересам России привела к «перекосу» взаимных отношений: страны постсоветского пространства рассматривают экономическую помощь в качестве естественной меры, практически не предоставляя России политических привилегий. Данное утверждение подтверждается анализом экономических связей в рамках ЕАЭС, который наглядно демонстрирует, что на постсоветском пространстве в экономическом аспекте больше выигрывают контрагенты России. Исследование учебных материалов по истории ряда стран продемонстрировало предпосылки для формирования негативного восприятия исторических отношений с Россией, что также отрицательно сказывается на выстраивании политических и социальных отношений. В результате отстаивание геополитических интересов Россией сталкивается как с противодействием других акторов (Великобритания, США, Франция, Турция), так и с требованием представителей государств бывшего СССР «о недопустимости вмешательства во внутренние дела». Делается вывод о необходимости активизации формального и неформального взаимодействия России со странами постсоветского пространства и продвижении геополитических интересов России, в том числе с опорой на экономическое сотрудничество и информационное сопровождение, что является необходимым условием укрепления внешнеполитических связей в рамках нарастающей турбулентности.*

***Ключевые слова:*** *внешняя политика, экономическая дипломатия, постсоветское пространство, Украина, Евразийский экономический союз, геополитические интересы, санкции.*

**Для цитирования:** *Букреева Т.Н.* Внешняя политика России на постсоветском пространстве: тенденции экономической дипломатии и продвижение геополитических интересов // Постсоветские исследования. 2026. Т. 9. № 7. С. 847–861.

# RUSSIA'S FOREIGN POLICY IN THE POST-SOVIET SPACE: TRENDS IN ECONOMIC DIPLOMACY AND THE PROMOTION OF GEOPOLITICAL INTERESTS

*Research article*

***T.N. Bukreeva***

*Southwest State University*
*Kursk, Russian Federation*
*ORCID: http://orcid.org/0000-0001-7010-4591*
*E-mail: bukreeva@gmail.com*

*The article examines certain aspects of Russia's policy in the post-Soviet space, studies the dynamics of building foreign policy and economic relations with Ukraine from 1992 to 2020. It also highlights Russia's active implementation of economic diplomacy in its relations with the former Soviet republics. The author notes the effective intervention of Western countries in reforming the political, socioeconomic, military, and ideological systems of the post-Soviet republics. As a result, Russia's economic diplomacy, while paying less attention to Russia's national political interests, has led to a distortion in mutual relations: post-Soviet countries view economic assistance as a natural measure, granting Russia virtually no political privileges. This statement is supported by an analysis of economic ties within the EAEU, which clearly demonstrates that Russia's counterparties benefit more economically in the post-Soviet space. A study of history textbooks of a number of countries has demonstrated the preconditions for the formation of a negative perception of historical relations with Russia, which also negatively affects the development of political and social relations. As a result, Russia's defense of its geopolitical interests faces both opposition from other actors (the UK, the US, France, and Turkey) and demands from representatives of former Soviet states 'for the inadmissibility of interference in internal affairs'. The conclusion calls for intensifying formal and informal interaction between Russia and the post-Soviet countries and promoting Russia's geopolitical interests, including through economic cooperation and information support, which is essential for strengthening foreign policy ties amidst growing turbulence.*

***Key words:*** *foreign policy, economic diplomacy, post-Soviet space, Ukraine, Eurasian Economic Union, geopolitical interests, sanctions.*

**For citation:** *Bukreeva T.N.* Russia's Foreign Policy in the Post-Soviet Space: Trends in Economic Diplomacy and the Promotion of Geopolitical Interests // Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies. 2026. Vol. 9. № 7. P. 847–861. (In Russ.)

**Введение.** После уничтожения СССР, которое для большинства населения оказалось неожиданным, о чем свидетельствуют данные референдума, проведенного 17 марта 1991 г. (78% граждан высказались о сохранении СССР), государство было разделено на 15 стран. Причем элита в большинстве случаев сохранила свои позиции в органах власти. Это оказало существенное влияние на выстраивание отношений России со странами бывшего СССР.

В целом политика России на постсоветском пространстве весь период с 1991 г. провозглашалась в качестве важнейшего направления [Беспалов, 2014: 4]. При этом деятельность сводилась к выполнению формальных функций дипломатического этикета, а основной акцент делался на сформированные экономические связи в рамках бывшего СССР (в том числе кооперации). Это происходило на фоне роста национальных и националистических движений и вытеснения (притеснения) этнических русских. Таким образом, преимущественно экономические вопросы долгое время оставались превалирующими. Другим же проблемам (политическим, социальным, конфессиональным, этническим и т.п.) внима-

ние уделялось зачастую только через призму экономического эффекта. С течением времени, особенно к началу 2000-х гг., постепенно снижается экономическое взаимодействие. Это связано с тем, что в 1990-е гг. определенную часть ключевых объектов национальных экономик бывших союзных республик приобрели иностранные компании. Например, в 1994 и 1996 гг. Азербайджан заключил долгосрочные соглашения о разделе продукции (СРП) с консорциумами международных компаний по разработке двух крупных месторождений на шельфе Каспийского моря – нефтегазоконденсатного блока месторождений Азери–Чираг–Гюнешли (АЧГ) и газоконденсатного Шах-Дениз; крупнейшим акционером и оператором обоих консорциумов стала компания BP (British Petroleum) [Ивантер, 2025: 17]. При этом экспорт нефти и газа формируют 87% экспорта Азербайджана, еще около 3% – экспорт продукции нефтепереработки и нефтехимии. Подобные процессы происходили и в России, и в других странах бывшего СССР. Одновременно ряд государств, включая геополитических конкурентов России, стали развивать взаимоотношения со странами бывшего СССР не только на экономической основе, но и на политической и социальной, укрепляя, вместе с тем, военно-техническое сотрудничество и взаимодействие в образовательной сфере. В частности, США стали активно направлять усилия и денежные средства на формирование сообществ молодых людей, заинтересованных в «соблюдении прав личности и взаимодействии с остальной частью мира», о чем в своей книге «Невидимая сила: как работает американская дипломатия» пишет американский политический деятель, дипломат и директор ЦРУ (2021–2025) Уильям Бернс [Бернс, 2023: 298].

В целом можно утверждать, что разрушение СССР явилось результатом постепенного деструктивного воздействия с целью уничтожения геополитического конкурента, «расчищения» поля для развития империализма и роста степени эксплуатации (терминология используется для отражения социальных процессов в первое постсоветское десятилетие), присвоения наработанных активов и расширения рынков сбыта. Подтверждением этому служит, например, тот факт, что с момента распада СССР в рамках новых государственных образований происходит резкое падение уровня жизни (всех основных социальных показателей) одновременно со значительным повышением степени участия иностранных компаний в ключевых отраслях экономики. При этом национальные конкуренты в основном либо поглощаются, либо разоряются, что ведет к тому, что значительно повышается зависимость элит стран бывших советских республик от иностранного капитала и политического влияния ряда стран.

Таким образом, поддержание экономических связей со странами бывшего СССР и ослабление внимания к национальным политическим интересам России ведут к снижению российского геополитического влияния на территории бывшего СССР, что подтверждается словами А. Дугина о разрушении устойчивых связей с постсоветскими республиками и ослаблении влияния России[1]. Наиболее наглядным проявлением подобного развития политики явилась ситуация с Украиной и отделившимися от нее территориями, включенными в состав России по итогам референдумов.

В связи с этим при написании работы была поставлена *цель:* проанализировать экономическое взаимодействие России с рядом стран бывшего СССР и на фоне экономического сотрудничества оценить степень политической консолидации, а также уровень социальных взаимоотношений.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие *задачи:* рассмотреть ситуацию политического и экономического взаимодействия России и Украины, сделать выводы о результатах и недоработках; исследовать степень политического, экономического, социального и культурного взаимодействия России с рядом стран постсоветского пространства.

[1] *Новороссийский В.* «Саботаж и некомпетентность»: Дугин заявил о катастрофе России на постсоветском пространстве // МК. 19.09.2025. URL: https://www.mk.ru/politics/2025/09/19/sabotazh-i-nekompetentnost-dugin-zayavil-o-katastrofe-rossii-na-postsovetskom-prostranstve.html?ysclid=mhrts9bvqf730026626 (дата обращения: 12.08.2026).

**Украина во внешнеполитическом курсе России в 1991–2020 гг.** Украина наряду с Россией и Белоруссией является ключевым славянским государством бывшего СССР, что отражено установлением памятника «Три сестры» как символа трех братских народов. Однако, как отмечает В.А. Цветков, отношения России и Украины уже в 1990-х гг. имели конфликтный характер, а в 2000-е гг. приобрели кризисную остроту [Цветков, 2009: 1]. На взаимоотношения не повлиял Договор о дружбе, сотрудничестве и партнерстве. В мае 1992 г. Украина отказалась от подписания Договора о коллективной безопасности государств Содружества Независимых Государств (Содружество, СНГ), согласившись только на ассоциированное членство (1993) без подписания Устава СНГ и соглашения об образовании Межгосударственного экономического комитета (первого наднационального органа). При этом в 1997 г. Украина выступила инициатором и активным участником региональной организации ГУАМ, страны-участницы которой (Грузия, Украина, Азербайджан, Молдова) считались наиболее «проблемными» с позиции российской стороны, что в очередной раз стало свидетельством противоречий в отношениях России и Украины. Еще одним негативным проявлением отношений со стороны Украины явились так называемые «газовые конфликты», возникшие по вине украинской стороны в связи с ее нежеланием выполнять взятые на себя обязательства по оплате приобретенного газа или как страны-транзитера.

Таким образом, Украина уже в первое десятилетие своей «независимости» проявляла в отношении России неоднозначную, если не сказать негативную, позицию, принимая экономические преференции и блокируя большинство политических усилий в векторе сближения. Так, в 2011 г. был подписан Договор о зоне свободной торговли, в соответствии с которым стороны (страны – участницы СНГ) предоставляют друг другу национальный режим в соответствии со ст. 3 ГАТТ 1994 (ст. 5)[1]. В ст. 3 ГАТТ отмечено, что «договаривающиеся стороны признают, что внутренние налоги и другие внутренние сборы, законы, правила и требования, затрагивающие внутреннюю продажу, предложение о продаже, покупку, перевозку, распределение или использование товаров, и внутренние правила количественного регулирования, требующие смешения, переработки или использования товаров в определенных количествах или долях, не должны применяться к импортированным или отечественным товарам таким образом, чтобы создавать защиту для отечественного производства»[2], что демонстрирует тот факт, что при игнорировании вопросов политического взаимодействия Украина принимала участие в экономически выгодных для себя соглашениях.

Л.Б. Вардомский и А.Г. Пылин отмечают, что в случае определения степени влияния одной из двух стран на развитие национальной экономической системы другой через отношение взаимной торговли к ВВП это соотношение покажет значительно большее влияние России на Украину, чем обратное. В количественном выражении это выглядело так: например, в 2011 г. отношение объема взаимной торговли к ВВП Украины составило 29,6%, России – 2,7% (в 2000 г. – 29,8 и 3,3% соответственно). Удельный вес Украины в российском экспорте на протяжении исследуемого периода практически оставался стабильным и находился в диапазоне от 4,8% (2000 г.) до 5,9% (2004, 2011 гг.) [Вардомский, Пылин, 2013: 81]. Доля России в украинском экспорте находилась в диапазоне от 18% (2004 г.) до 29% (2011 г.), при этом доля российского газа в общем объеме импорта Украины в 2012 г. составляла 16,6% (или 14 млрд долл. США в денежном выражении). Определенную роль в динамике этих показателей сыграло изменение политической ситуации в стране. При этом следует отметить, что пятая

[1] Договор о зоне свободной торговли (подписан в г. Санкт-Петербурге 18.10.2011). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121497 (дата обращения: 12.08.2026).

[2] Генеральное соглашение по тарифам и торговле // ГАТТ. 1947. URL: https://minpromtorg.gov.ru/storage/797ced43-043d-4b4e-b72b-3d36984adbc7/documents/f907838d-10c5-4064-84ad-be112a9e0c87/d20a7af8-aedc-4bb2-a069-cd46db4614b1.pdf (дата обращения: 12.08.2026).

часть экспортируемой Украиной продукции направлялась на российский рынок, что представляет собой весьма значительную величину, причем в этом объеме присутствовали технологичные товары с высокой добавленной стоимостью.

Таким образом, экономическая зависимость Украины от России была достаточно высока. При этом дополнительным фактором являлось использование русского языка в качестве средства коммуникации. В результате возникала иллюзия взаимоуважительных отношений и экономической взаимосвязанности, что отразилось в высказываниях некоторых политических деятелей, отмечающих, что никакой внешнеполитической деятельности и расширения российского влияния не нужно, так как с украинской стороной осуществляется бизнес-взаимодействие.

Однако другие государства не менее активно, но более разнопланово стремились не столько приблизить к себе Украину, сколько «оторвать» ее от России, снизить уровень взаимодействия и влияния. Так, Н.А. Цветкова и Г.О. Ярыгин указывают, что с 1996 г. среди стран постсоветского пространства Украина стала занимать первое место по объемам средств, вкладываемых правительством США для развития демократии, а перед публичной дипломатией была поставлена задача по изменению политического режима посредством создания новых партий, свободных СМИ и НПО, а также с их помощью реформирование законов о выборах [Цветкова, Ярыгин, 2015: 70]. В свою очередь, В.Н. Бабенко отмечает, что украинское руководство в постсоветский период в контексте европейской интеграции уделяло большое внимание военно-политическому сотрудничеству с НАТО, не учитывая при этом сложившиеся особенности развития экономики [Бабенко, 2015: 112]. И.В. Бочарников и О.А. Овсянникова, исходя из анализа взаимодействия, делают вывод о том, что Украина де-факто уже длительный период является непризнанным членом НАТО, а ее вооруженные силы интегрированы в НАТОвские структуры управления [Бочарников, Овсянникова, 2022: 71].

К.А. Годованюк указывает, что в рамках реализации курса на «глобальную Британию», целью которого, в числе прочего, является сохранение ведущих позиций в обеспечении европейской безопасности, Украина определена в перечне ключевых международных приоритетов Великобритании. Всесторонняя поддержка Украины, выступающая с 2014 г. в качестве важного фактора сдерживания России, постепенно трансформировалась в символ восстановления трансатлантического единства, в котором заинтересованы не только британские, но и американские политические и экономические элиты [Годованюк, 2021: 433].

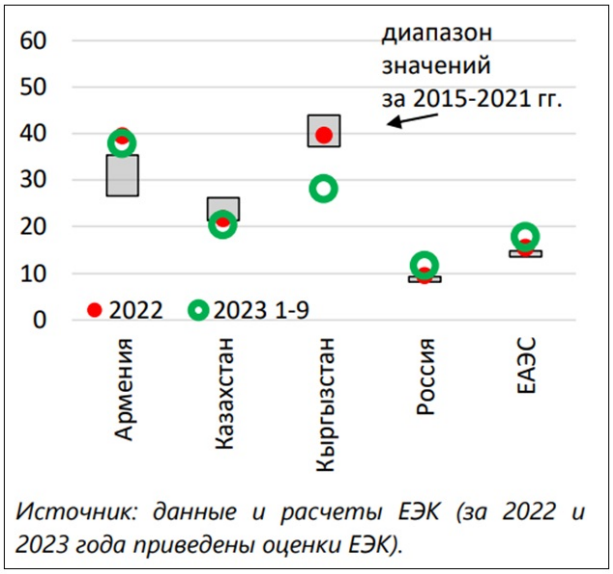
Отношения Европейского союза (ЕС) и Украины в самом общем виде развивались с опорой на стремление последней стать членом ЕС, который не отрицал возможность членства, избегая при этом конкретики и предлагая европейскую политику сотрудничества. При этом пресекались различные варианты интеграции Украины с Россией: в частности, в 2003 г. ЕС предостерег Украину от заключения таможенного союза в рамках Единого экономического пространства (ЕЭП) стран – участниц СНГ, указывая на высокую вероятность замедления или прекращения процесса евроинтеграции [Мироненко, 2018: 71]. Таким образом, несмотря на тесные социально-экономические связи, особенно с Россией, как отмечает С.С. Жильцов, во внешней политике Украина стремилась максимально дистанцироваться от бывших союзных республик [Жильцов 2015: 72]. При этом приоритетными направлениями стало сотрудничество с ЕС, США, Великобританией и международными институтами, в частности, с Международным валютным фондом (МВФ), который провозгласил своей целью поддержку украинских реформ. С.С. Жильцов также указывает, что условия предоставления «западных» кредитов вели к усилению финансово-политической зависимости Украины, уменьшая уровень самостоятельности страны в принятии и реализации решений. В результате возрастающая кредитная зависимость дала возможность западным странам не только завоевывать украинский рынок, но и постепенно диктовать политические условия руководству страны. Это было связано с тем, что, пре-

доставляя кредиты, международные финансовые институты выдвигали ряд требований в сфере законодательства и проведения экономической политики [Жильцов, 2015: 73].

Таким образом, Украина посредством использования экономического потенциала, сформированного в СССР, и налаженных кооперационных и торговых связей за счет сотрудничества с Россией обеспечивала функционирование значительной части экономики. Отчасти посредством формирования особых условий для Украины (например, зона свободной торговли) и субсидирования ее хозяйственной системы (сниженные цены на природный газ, отсрочки платежей и т.д.) стране удавалось поддерживать относительно неплохой уровень жизни. При этом со стороны России особых условий в отношении Украины не выдвигалось, а политика представлялась «чистой» формальностью. Уступки же воспринимались в качестве «братской помощи», а представители крупного бизнеса проявляли интересы узкоэкономического и узкокорпоративного характера. В то же время западные страны практически все свои экономические действия в отношении Украины воспринимали с позиции эффективности, если даже не экономической, то политической и социальной. В своих стратегических документах эти государства объявляли Украину в качестве сферы своих геополитических и геоэкономических интересов, последовательно принимая участие (опосредованно) в политической и социальной жизни Украины. При этом территория Украины превратилась в поле деятельности практически всех разведок крупных государств, а в стране осуществляли свою деятельность большое количество некоммерческих организаций. В итоге трансформации в обществе и в политической сфере постепенно привели к возрастанию степени критичности отношений России и Украины, что спровоцировало «бегство» регионов (Крым, Донецкая и Луганская обл.) в сторону России, а затем и к возникновению полномасштабных боевых действий, причем Украину подталкивали к эскалации страны ЕС, Великобритания и США.

**Политика России в отношении ряда «близких» постсоветских республик.** Учитывая важность соседних стран, Россия проявляет особый интерес к развитию отношений с постсоветскими республиками. Однако, как и в отношениях с Украиной, акцент преимущественно делается на развитие экономических интересов. Зачастую в целях расширения политического влияния Россия осуществляет уступки экономического характера, однако такой подход не всегда является результативным и во многих случаях наблюдается противоположный эффект: политическое и экономическое влияние только уменьшается. Ярким примером может служить создание Евразийского экономического союза (ЕАЭС), заявленная цель которого, без сомнения, не вызывает беспокойства и нуждается во всяческом поощрении.

В соответствии с таможенным кодексом ЕАЭС (ТК ЕАЭС) ввозные таможенные пошлины одинаковы («Договор о Евразийском экономическом союзе» (подписан в г. Астане 29.05.2014; ст. 42 «Единый таможенный тариф Евразийского экономического союза») и распределяются в соответствии с закрепленной пропорцией, отраженной в Приложении № 5 Договора о Евразийском экономическом союзе (Россия – 85,07%, Казахстан – 6,96%, Беларусь – 4,86%, Киргизия – 1,9%, Армения – 1,22%). Однак, по мнению ряда исследователей, степень экономической эффективности от участия в ЕАЭС для каждой страны разная и может существенно отличаться. Как указывает Е.В. Махмутова, ЕАЭС представляет собой объединение разновеликих сил, в котором вклад каждого из участников пропорционален уровню его экономического развития, а сам Союз зависит от российской экономики [Махмутова, 2019: 105]. В аналитическом докладе, подготовленном Евразийской экономической комиссией (ЕЭК), отмечено, что роль ЕАЭС в товарообороте России относительно невысока и составляет около 10% (для сравнения: Казахстан – около 20%, Армения и Киргизия – от 30%) (рис. 1). Таким образом, исследование удельного веса ЕАЭС в товарообороте позволяет сделать вывод о том, что наибольшие экономические выгоды от ЕАЭС получили Казахстан, Армения и Киргизия (Белоруссия на рис. 1 отсутствует).




*Источник: данные и расчеты ЕЭК (за 2022 и 2023 года приведены оценки ЕЭК).*

Рис. 1. **Удельный вес ЕАЭС в товарообороте, % [The share of the EAEU in trade turnover, %]**

*Источник:* О макроэкономической ситуации в государствах – членах Евразийского экономического союза и предложениях по обеспечению устойчивого экономического развития: аналитический доклад. М.: ЕЭК, 2024. 50 с. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/69e/v1l6nueikd2r216mfs79uhm3vnjtscbe/Analytical_report_2023.pdf (дата обращения: 18.08.2026).

При рассмотрении объема инвестиций в страны ЕАЭС из других государств – участников Договора о ЕАЭС (рис. 2) можно заметить, что наибольшие объемы – у Казахстана и Белоруссии. Динамика показателей для России даже с учетом «зеркальной» статистики ниже значений вышеуказанных государств.

Как видно из рис. 1 и 2, в экономическом аспекте Россия относительно менее заинтересована в ЕАЭС, однако Союз развивается, демонстрируя постепенную интеграцию.

При этом следует отметить, что унифицированным является основная часть таможенного законодательства (в том числе в отношении ввозных таможенных пошлин); налоговое законодательство в каждой стране национальное, но имеет схожие черты.

Однако ставки по налогам могут существенно отличаться: например, ставка налога на добавленную стоимость в России составляет 20% (не учитывая отдельные категории товаров), а с 2026 г. – 22%; в Казахста-

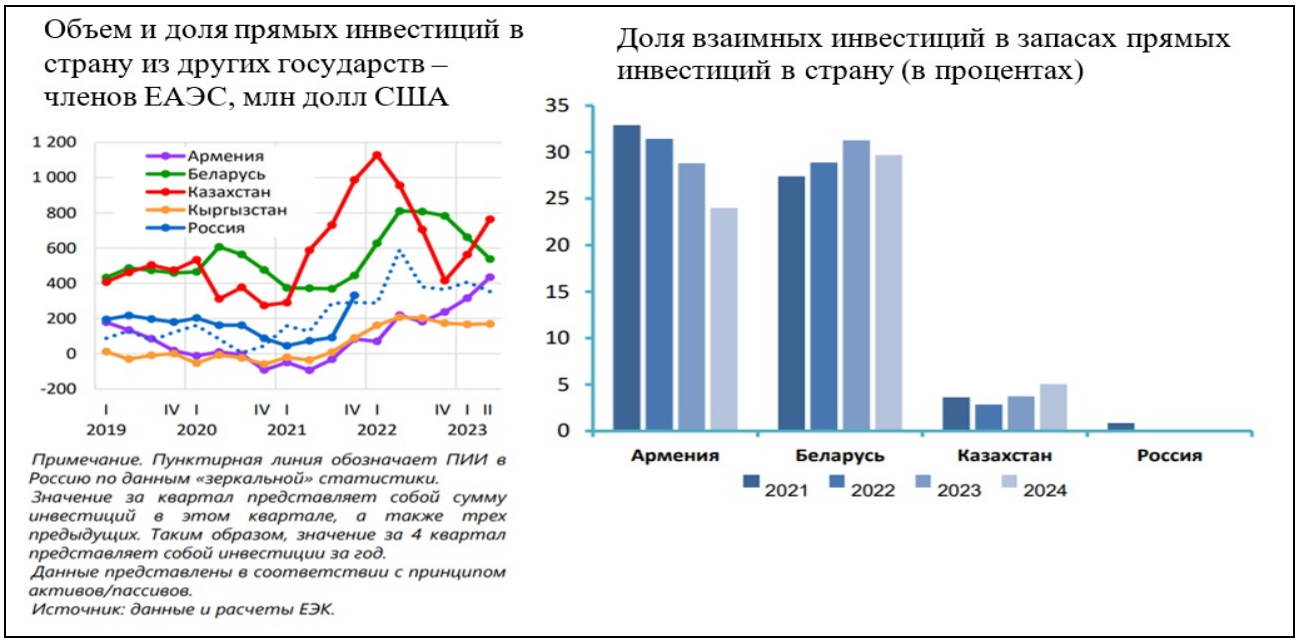



Рис. 2. **Объем и доля прямых инвестиций в страну из других государств – членов ЕАЭС, млн долл. США [Volume and share of direct investment in the country from other EAEU member states, million USD]**

*Источники:* О макроэкономической ситуации в государствах – членах Евразийского экономического союза и предложениях по обеспечению устойчивого экономического развития: аналитический доклад. М.: ЕЭК, 2024. 50 с. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/69e/v1l6nueikd2r216mfs79uhm3vnjtscbe/Analytical_report_2023.pdf (дата обращения: 18.08.2026); Прямые инвестиции в Евразийском экономическом союзе, 2024 г., по оперативным данным: статистический бюллетень. М.: Евразийская экономическая комиссия, 2025. 24 с. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/iblock/5f1/nzpeztk51q731ou9wk1g3snq1uxtdm1o/finstat_5_2024.pdf (дата обращения: 18.08.2026).

не – 12%[1]. В данном случае можно предположить, что для России ЕАЭС – более политический проект, чем экономический: попытка сплотить часть республик бывшего СССР и усилить свое политическое влияние. Это также подтверждается результатами выстраивания отношений и с другими республиками бывшего СССР.

Так, в России с 2006 г. реализуется Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению соотечественников, проживающих за рубежом. В то же время в Армении, Азербайджане и Грузии одним из приоритетов миграционной политики является поддержка связей с диаспорами в зарубежных странах, образовавшихся в результате недавних и исторических миграционных перемещений[2]. Таким образом, национальные государства бывшего СССР имеют свои институциональные и неформальные образования, которые зачастую продвигают интересы своей страны, о чем пишут многие издания. Ряд авторов указывают, что глобальная миграция не может находиться вне политических международных рамок, поэтому глобальные, региональные и локальные проблемы и вызовы оказывают свое влияние на характер и масштабы миграции [Курылев, Курбанов, Макенова, Хотивришвили, 2018: 324].

При этом высокой остается доля средств, ежегодно переводимая трудовыми и иными мигрантами в родные страны. Согласно данным агентства Интерфакс, общий объем денежных переводов в Узбекистан из-за рубежа в 2024 г. увеличился на 30% по сравнению с 2023 г. – до 14,8 млрд долл. США, причем доля переводов из России составила 77%, или 11,5 млрд долл. США (рост на 29%)[3].

В 2024 г., по данным агентства статистики при Президенте Республики Узбекистан, ВВП составил 115 млрд долл. США[4], т.е. объем денежных переводов из России в 2024 г. составил 10% ВВП.

Помимо вышеотмеченного, Россия оказывает экономическую поддержку постсоветским странам и иными способами. Например, в СМИ сообщили, что в июне 2025 г. нижняя палата парламента Таджикистана одобрила соглашение с Россией по постепенному списанию долга Таджикистана в размере 300 млн долл. США (Соглашение связано с использованием электроэнергии, поставляемой совместно эксплуатируемой Сангтудинской ГЭС-1)[5]. Данный факт относится к политике экономической дипломатии и касается, прежде всего, стран СНГ. Однако отношение к вышеназванному событию неоднозначное в связи с повышением тарифов для жителей России и общим уровнем инфляции в стране. При этом вопросы дипломатии достаточно широки и долгосрочны, что граждане России, вероятнее всего, не могут всесторонне оценить с локальных и субъективных позиций. В то же время огласка на фоне роста цен не способствует положительному восприятию и может приводить к возрастанию репутационных потерь российской власти.

Так, Президент России одобрил отсрочку погашения государственного кредита, выданного Белоруссии, на сумму 800 млн долл. США, а ранее был списан долг Гвинеи-Бисау в размере 26,7 млн долл. США и Сомали в размере 691 млн долл. США[6]. Списанные долги африканским странам, как объясняется, были «невозвратными» и уже составили около 20 млрд долл. США (задолженность связывают с военно-техническими и иными операциями времен СССР).

[1] *Рульков А.* Основные налоги для компаний в Казахстане в 2025 г. // Гарант. 25.08.2025. URL: https://www.garant.ru/1c-wiseadvice/guide/nalogooblozhenie-v-kazakhstane (дата обращения: 12.08.2026).

[2] *Ни В.* Исследование законодательных и институциональных основ для управления международной миграцией в Северной и Центральной Азии в контексте стран происхождения и назначения. URL: https://www.unescap.org/sites/default/files/4%20Study%20of%20Laws%20Rus%20report%20v1-3-E.pdf (дата обращения: 12.08.2026).

[3] Объем денежных переводов из РФ в Узбекистан в 2024 г. вырос на 29% // Interfax. 20.01.2025. URL: https://www.interfax.ru/world/1003755 (дата обращения: 12.08.2026).

[4] Производство валового внутреннего продукта республики Узбекистан // Агентство статистики при Президенте Республики Узбекистан. URL: https://stat.uz/img/02_-vvp_press-reliz-2024_rus_p74252.pdf (дата обращения: 12.08.2026).

[5] Россия может простить многомиллионный долг Таджикистану // Rossmir. 20.06.2025. URL https://rossmir.ru/business/2339 (дата обращения: 12.08.2026).

[6] Там же.

В то же время нельзя не отметить, что уступок со стороны стран-контрагентов совершенно не осуществляется, по крайней мере, в общественном пространстве и публичном поле это не освещается. Например, с Таджикистаном развивается финансовое сотрудничество, в результате чего более 90% взаимной торговли осуществляется в российских рублях (еще в 2021 г. 50% – в долларах США). Однако при детальном изучении можно отметить, что товарооборот между Россией и Таджикистаном в 2024 г. составил 1,5 млрд долл. США[1], а внешнеторговый оборот России (по данным ФТС России[2]) составил 716,9 млрд долл. США, т.е. доля Таджикистана составила в 2024 г. 0,21%. При этом безвизовый режим и содействие властей России позволили многим гражданам Таджикистана получить гражданство России, причем нередко перемещения осуществляются семьями, что еще больше увеличивает социальную нагрузку на государство. Отчасти рост миграционных процессов стимулировался необходимостью привлечения трудовых мигрантов, однако рост социальных расходов (образование, здравоохранение, обеспечение жильем и т.д.), а также возрастание криминогенной обстановки в ряде регионов, по мнению некоторых экспертов, нивелируют преимущества трудовой миграции, которая, как можно судить по ряду интернет-каналов, превратилась в переселение на территорию с более удобными условиями жизни и сформированной инфраструктурой.

Подобные вопросы неоднозначные и сложные, но несомненным остается факт возрастания расходов России, т.е. определенной экономической поддержки стран Центральной Азии косвенным способом. При этом анализ литературы и объяснения ряда политических деятелей стран постсоветского пространства свидетельствуют, что в ответ на экономическое содействие со стороны России ответные экономические преференции не могут быть предоставлены (по объективным, а порой и субъективным, причинам), а политическому взаимодействию пытаются придать многовекторность, выстраивая отношения с несколькими странами одновременно (что вполне естественно), не выделяя особое отношение России, хотя экономически поддержка России является ключевой как с экономической точки зрения, так и для поддержания политической устойчивости. Подобные шаги для помощи союзникам вполне закономерны, а последовательность политики экономической дипломатии вполне объяснима, если она позволяет поддерживать добрососедские отношения. Однако ответные действия на деятельность России представляются сравнительно малозначительными, особенно в сравнении со странами «запада» (США, Великобритания, Франция и др.), которые стремятся максимально «окупить» свои вложения и уступки.

**Политика стран постсоветского пространства в отношении России.** Как уже было отмечено выше, экономическая дипломатия России на постсоветском пространстве является последовательной. При этом в последнее десятилетие безвизовый режим с рядом стран СНГ позволил переселиться в страну либо приезжать «на заработки» нескольким миллионам человек. К сожалению, в большинстве своем это низкоквалифицированные кадры, которые, как пытаются обосновать некоторые представители российского бизнеса и органов власти, необходимы для «трудодефицитной» экономики России. Слово «трудодефицитная» взято в кавычки, поскольку, во-первых, низкоквалифицированные работники необходимы для экстенсивного типа производства, а Президент России выступает за интенсивный рост экономики и увеличение инновационной доли; во-вторых, происходит увеличение нагрузки на бюджетную и социальную системы России. Однако данная политика имеет важное значение для опорных стран, так как, во-первых, снижается уровень безработицы в этих странах,

[1] Ушаков: Товарооборот между Россией и Таджикистаном вырос за семь месяцев на 17% // ТАСС, 07.10.2025. URL: https://tass.ru/ekonomika/25275465 (дата обращения: 12.08.2026).

[2] Ежегодный сборник «Таможенная служба Российской Федерации»: справочные материалы к расширенному заседанию коллегии ФТС России // Официальный сайт Федеральной таможенной службы. URL: https://customs.gov.ru/storage/document/document_info/2025-03/25/sbornik_2024.pdf (дата обращения: 12.08.2026).

соответственно, и уровень социальной напряженности; во-вторых, трудовые мигранты осуществляют денежные переводы в свои страны, объем которых достаточно велик (в сравнении с ВВП, что показано выше на примере Узбекистана).

В данном случае можно сказать, что со стороны России наблюдаются экономическая и социально-политическая помощь и поддержка. Однако необходимо отметить, что в ответ от указанных стран политических привилегий Россия практически не получает, а порой наблюдается противоположная ситуация. Е.В. Махмутова отмечает, что участники ЕАЭС подчеркивают исключительно экономический характер евразийского интеграционного проекта, отрицая возможность политической составляющей [Махмутова, 2019: 105].

В результате страны сохраняют экономические связи с государствами так называемого «западного мира», получая выгоды хозяйственного характера и от участия в ЕАЭС. Одновременно развиваются и политические отношения с западными странами в условиях роста геополитической напряженности. Так, в 2023 г. в Люксембурге состоялось заседание Совета сотрудничества ЕС–Казахстан, а министры иностранных дел Евросоюза и стран Центральной Азии обсуждали предотвращение обхода антироссийских санкций[1].

При этом, например, после введения антироссийских санкций в 2014 г. и ответного «продуктового эмбарго» значительная часть «санкционной продукции» на российский рынок поступала из Белоруссии и Казахстана, с которыми у России отсутствует участок таможенной границы (проходит по внешнему контуру объединения)[2]. В итоге были сформированы мобильные группы ФТС России для пресечения ввоза запрещенной продукции. В 2023 г. заместитель министра иностранных дел России М. Газулин допустил, что некоторые из стран Центральной Азии могут присоединиться к западным, т.е. антироссийским, санкциям[3].

В образовательной сфере также наблюдается сложная ситуация. На постсоветском пространстве Россия осуществляет совместные образовательные проекты, а в перспективе важной задачей является формирование общего рынка образовательных услуг в рамках ЕАЭС [Аватков, Корнетова, 2024: 958]. Уже в настоящее время в России насчитывается 327 тыс. студентов из стран ЕАЭС, СНГ, ШОС, что составляет 78% всех иностранных студентов в стране[4]. При этом имеется точка зрения, что в рамках квоты они нередко приезжают для осуществления трудовой деятельности, о чем свидетельствуют некоторые преподаватели вузов, указывающие на плохое знание русского языка.

В этом аспекте целесообразно обратить внимание на школьную учебную литературу, на основе которой происходит формирование личности обучающихся, впоследствии приезжающих в Россию, в частности, на учебники истории, анализ которых провели ученые Российской академии наук (РАН). В 2024 г. российские ученые составили сборник «Россия в учебниках истории стран Ближнего и Постсоветского Востока, Китая» с целью выявления отношения к России в историческом процессе [Аватков, 2024: 4]. В итоге было отмечено, что, например, в учебнике «История Азербайджана» для 11-го класса общеобразовательных школ указано: «образование Азербайджанской Советской Социалистической Республ-

[1] Страны Центральной Азии пообещали ЕС сотрудничать в борьбе с обходом антироссийских санкций // Коммерсантъ. 24.10.2023. URL: https://www.kommersant.ru/doc/6296618 (дата обращения: 12.08.2026).

[2] Таможенной границей Союза являются пределы таможенной территории Союза, а также в соответствии с международными договорами в рамках Союза – пределы отдельных территорий, находящихся на территориях государств-членов. Статья 5 «Таможенная территория Союза и таможенная граница Союза» Таможенного кодекса ЕАЭС.

[3] МИД увидел риск присоединения стран Центральной Азии к санкциям // РБК. 16.05.2023. URL: https://www.rbc.ru/politics/16/05/2023/6462fe329a79476576690448 (дата обращения: 12.08.2026).

[4] На площадке ПМЭФ состоялась панельная сессия «Единство образовательного пространства стран Евразии» // Официальный сайт Минобрнауки России. 19.06.2025. URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/97734/?sphrase_id=9235446 (дата обращения: 12.08.2026).

лики преподносится как оккупация земель и возвращение колониального господства России в иной форме» [Аватков, 2024: 10].

В свою очередь, в учебно-методическом пособии по истории Казахстана с начала XX в. по настоящее время с заданиями и ключами к ним, составленного по другим учебникам (рекомендованным Министерством образования и науки республики Казахстан) в модуле 1, например, указано, что «постепенно к этому моменту Казахстан стал превращаться в многонациональную провинцию России, а народ, у большей части которого отобрали земли, покинул этнические земли в поисках более лучшей жизни» (речь идет о начале XX в.) [Аватков 2024: 16].

В учебнике К. Усманова и М. Садикова по истории Узбекистана с 1917 по 1991 гг., опубликованному на русском языке и предназначенному для учащихся 1-го курса академических лицеев и профессиональных колледжей, отмечено, что «царизм нанес значительный урон нашей стране. Царская Россия сделала все, чтобы в сердцах наших предков постепенно угасали чувство национальной гордости, любовь к свободе и независимости» [Усманов, 2011: 47].

Подобных примеров можно обнаружить достаточно много. Это официальная версия, которая одобрена соответствующими министерствами и используется в учебном процессе в школах и вузах. Таким образом, за 30-летний период было сформировано целое поколение, которое было подготовлено, как минимум, в нейтральном, а чаще в негативном отношении к России.

В данном случае следует оговориться, что не все население бывших республик СССР настроено негативно к России. Однако молодежь, воспитанная на новых принципах и без активного участия России, часто выражает недружелюбное отношение. Это явилось результатом планомерной долгосрочной деятельности так называемых недружественных стран. Ярким примером служит факт «наводнения» постсоветского пространства и бывших стран Варшавского договора иностранными некоммерческими организациями, через которые осуществляется финансирование, в том числе прессы и образовательных программ.

К примеру, американское агентство по международному развитию USAID начало осуществлять свою деятельность в Армении в 1992 г.; в тот момент все усилия данной организации сводились преимущественно к помощи армянской стороне в гуманитарной сфере. В 2013 г. после закрепления американского агентства в стране началось его сближение с властью (период руководства страной Сержа Саргсяна), в том числе участие в подготовке реформы пенсионной системы Армении. В журнале «Монокль» приводятся следующие данные: «всего за 5 лет (2019–2024) USAID потратило в Армении почти вдвое больше денег (2,1 млрд долл. США), чем за предыдущие 27 (!) лет» [Устян, 2025: 52]. Таким образом, по мере возрастания необходимости воздействия на Армению со стороны США финансирование увеличивалось. За год до «бархатной революции» (2018 г.) в Армении было зарегистрировано 1029 новых неправительственных организаций (НПО), 175 фондов и 112 СМИ. В результате если в начале 1990-х гг. подавляющее большинство армян видело в России «безоговорочного союзника», то в 2025 г. 43% считают необходимым разрыв отношений с Россией [Устян, 2025: 52]. При этом страна находится в экономическом союзе с Россией (ЕАЭС), а торговля со странами ЕАЭС составляет около 40%.

Таким образом, экономическая и политическая помощь, оказываемая западными странами, является составляющей внешней политики в отстаивании своих геополитических интересов и практически всегда увязывается с ответными уступками (как прямыми, так и косвенными и отложенными во времени). Россия же в данном аспекте стремится оказать экономическую поддержку практически всем странам бывшего СССР, но дальше этого не продвигает свои политические интересы, а порой наталкивается на требование о невмешательстве во внутренние дела независимых государств. Можно предположить, что экономическая дипломатия, осуществляемая Россией, по мнению ряда исследователей и представителей власти, должна привести к росту пророссийских настроений, т.е. чем больше экономических благ предоставляет страна,

тем более лояльны к ней в стране-реципиенте. Но в данном случае положительная корреляция не только не очевидна, а порой отсутствует ввиду наличия других игроков-оппонентов. При этом уже наглядно видно, к чему приводит такая политика в расчете на автоматическое возникновение «чувства благодарности» на примере Украины. В то время, когда Россия поддерживала экономические связи с Украиной и оказывала экономическую помощь (не обязательно напрямую, но и косвенно, субсидируя и поставляя энергоносители по ценам ниже мировых), ряд «западных стран» принимали активное участие в формировании и развитии социальных и политических процессов, в том числе посредством планомерной работы с молодежью. Как отмечает И.В. Жирун, одним из факторов, который может повлиять на самоидентификацию с этнической группой и формирование национальной идентичности, является образование, а, значит, и школьные учебники [Жирун, 2021: 151].

В украинских учебниках по истории проблемной является телеологическая схема исторического процесса, которая представляет историю бытия украинского народа от Киевской Руси до 1991 г. в свете заранее заданной главной цели – создания «независимого государства Украины». Все социальные группы или отдельные представители народа, которые не поддерживают «правильную» линию, утвержденную современной политической и культурной элитой Украины, осуждаются как враги Украины [Королева, 2015: 73]. Это, с одной стороны, приводит к абсолютизации идеала борьбы и конфликта как важнейшей ценности истории, а с другой – ведет к дегуманизации истории, когда ценность человеческой жизни и общезначимые морально этические нормы предстают как малозначимые факторы. К сожалению, анализ исторической литературы показывает схожесть украинских взглядов с центральноазиатскими.

**Выводы.** Рассмотренная ситуация взаимодействия России с рядом постсоветских стран свидетельствует о целесообразности серьезной коррекции внешнеполитического курса России. Экономическая дипломатия страны, вероятнее всего, не нуждается в трансформации, однако политическая составляющая при осуществлении экономической интеграции должна усиливаться. Отдельные аспекты этого процесса уже просматриваются, в частности, подписание 12 ноября 2025 г. главами России и Казахстана Декларации о переходе межгосударственных отношений Российской Федерации и Республики Казахстан на уровень всеобъемлющего стратегического партнерства и союзничества. Тем не менее выстраивание партнерских отношений и интеграционные процессы не должны иметь однобокий характер. Тем более что учебная литература, отрывки из которой были приведены выше, не является соответствующей дружественной стране, а граждане – соотечественниками, в рамках программы о переселении которых они перемещаются в Российскую Федерацию. Таким образом, осуществляя интеграционные процессы, предоставляя экономические преференции ряду постсоветских стран, в этих государствах сформирована антироссийская (в лучшем случае – нейтральная) система образования.

Однако сложившаяся ситуация связана не только с деятельностью недружественных стран, но и с невысокой политической активностью России в 1990-х гг., ее самоустранении. Таким образом, необходима активизация формального и неформального взаимодействия и продвижения геополитических интересов, в том числе посредством «связывания» с экономическим взаимодействием и регулярным информационным сопровождением, что является необходимым условием укрепления внешнеполитических связей в рамках нарастающей турбулентности. В противном случае Россия имеет перспективу приобрести еще одну ситуацию, схожую с Украиной.

## ЛИТЕРАТУРА

*Аватков В.А., Корнетова М.П.* Образовательные проекты России в странах СНГ как интеграционный инструмент на постсоветском пространстве // Постсоветские исследования. 2024. Т. 7. № 3. С. 954–965.

*Бабенко В.Н.* Украина и НАТО: проблемы и перспективы // Актуальные проблемы Европы. 2019. № 3. С. 101–115.

*Беспалов С.В.* Политика России на постсоветском пространстве: основные этапы и современное состояние // Современные исследования социальных проблем. 2014. № 3 (35). С. 1–14.

*Бернс У.* Невидимая сила: как работает американская дипломатия / пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2023. 696 с.

*Бочарников И.В., Овсянникова О.А.* Украинский кризис: истоки, реалии и тенденции развития // Украинский кризис в условиях трансформации современного миропорядка: тенденции развития, угрозы и вызовы для России. М.: Экон-Информ, 2022. С. 54–84.

*Вардомский Л.Б., Пылин А.Г.* Экономическое развитие России и Украины в контексте взаимных отношений // Россия и современный мир. 2013. № 3 (80). С. 72–89.

*Годованюк К.А.* Украина в контексте внешнеполитических интересов Великобритании // Постсоветские исследования. 2021. № 4 (5). С. 427–434.

*Жильцов С.С.* Внешняя политика Украины: 1991–2014 гг. // Внешняя политика новых независимых государств: сборник / отв. ред. Б.А. Шмелев. М.: ИЭ РАН, 2015. С. 69–95.

*Жирун И.В.* Формирование украинской идентичности: гражданская, этническая или постколониальная? // Россия и мир в XXI веке. 2021. № 3 (112). С. 145–164.

*Ивантер И.* Ткать узор дальше // Монокль. 2025. № 28 (1396). С. 17–22.

*Королева Г.И.* Трансформация концептуальных основ исторической науки в современной Украине // Вестник Омского государственного педагогического университета. Серия: Гуманитарные исследования. 2015. № 3 (7). С. 72–77.

*Курылев К.П., Курбанов Р.М., Макенова А.Б., Хотивришвили А.А.* Миграционные потоки из Центральной Азии в страны Европейского союза // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 2. С. 315–327.

*Махмутова Е.В.* Влияние антироссийских санкций на Евразийский экономический союз // Вестник международных организаций. 2019. Т. 14. № 3. С. 99–116.

*Мироненко В.И.* О некоторых аспектах евроинтеграции Украины в 1991–2014 гг. European Union and Ukraine // Современная Европа. 2018. № 4 (83). С. 68–78.

Россия в учебниках истории стран Ближнего и Постсоветского Востока, Китая: реферативный сборник / отв. ред. В.А. Аватков. М.: ИНИОН РАН, 2024. 155 с.

*Усманов К., Садиков М.* История Узбекистана (1917–1991 гг.): учебник для учащихся 1-го курса академических лицеев и профессиональных колледжей / пер. с узбекского Х.Н. Бабабекова. Ташкент: Шарк, 2006. 264 с.

*Устян Р.* Как USAID научило армян ненавидеть Россию // Монокль. 2025. № 18 (1386). С. 51–56.

*Цветков В.А.* Российско-украинские отношения: между политикой и экономикой // Украина: информационно-аналитический мониторинг. 2009. № 7. С. 145–162.

*Цветкова Н.А., Ярыгин Г.О.* Участие публичной дипломатии США в политической трансформации Украины, 1990–2000-е гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: Международные отношения. 2015. № 4. С. 68–81.

REFERENCES

*Avatkov V.A., Kornetova M.P.* Obrazovatel'nye proekty Rossii v stranah SNG kak integracionnyj instrument na postsovetskom prostranstve // Postsovetskie issledovanija. 2024. T. 7. № 3. S. 954–965. (In Russ.) [*Avatkov V.A., Kornetova M.P.* Russia's educational projects in CIS countries as an integration tool in the post-Soviet space // Post-Soviet Studies. 2024. Vol. 7. № 3. P. 954–965.]

*Babenko V.N.* Ukraina i NATO: problemy i perspektivy // Aktual'nye problemy Evropy. 2019. № 3. S. 101–115. (In Russ.) [*Babenko V.N.* Ukraine and NATO: problems and prospects // Current Problems of Europe. 2019. № 3. P. 101–115.]

*Bespalov S.V.* Politika Rossii na postsovetskom prostranstve: osnovnye jetapy i sovremennoe sostojanie // Sovremennye issledovanija social'nyh problem. 2014. № 3 (35). S. 1–14. (In Russ.) [*Bespalov S.V.* Russia's policy in the post-Soviet space: key stages and current state // Modern Studies of Social Issues. 2014. № 3 (35). P. 1–14.]

*Bocharnikov I.V., Ovsjannikova O.A.* Ukrainskij krizis: istoki, realii i tendencii razvitija // Ukrainskij krizis v uslovijah transformacii sovremennogo miroporjadka: tendencii razvitija, ugrozy i vyzovy dlja Rossii. M.: Jekon-Inform, 2022. S. 54–84. (In Russ.) [*Bocharnikov I.V., Ovsyannikova O.A.* The Ukrainian crisis:

origins, realities, and development trends // The Ukrainian crisis amidst the transformation of the modern world order: development trends, threats and challenges for Russia. M.: Ekon-Inform, 2022. P. 54–84.]

*Byorns U.* Nevidimaya sila: Kak rabotaet amerikanskaya diplomatiya / Uil'yam Byorns; per. s angl. M.: Al'pina Pablisher, 2023. 696 s. (In Russ.) [*Burns W.* The Invisible Force: How American Diplomacy Works / Trans. from English. M.: Alpina Publisher, 2023. 696 p.]

*Godovanjuk K.A.* Ukraina v kontekste vneshnepoliticheskih interesov Velikobritanii // Postsovetskie issledovanija. 2021. № 4 (5). S. 427–434. (In Russ.) [*Godovanyuk K.A.* Ukraine in the context of Great Britain's foreign policy interests // Post-Soviet Studies. 2021. № 4 (5). P. 427–434.]

*Ivanter I.* Tkat' uzor dal'she // Monokl'. 2025. № 28 (1396). S. 17–22. (In Russ.) [*Ivanter I.* Weaving the Pattern Further // Monokl. 2025. № 28 (1396). P. 17–22.]

*Koroljova G.I.* Transformacija konceptual'nyh osnov istoricheskoj nauki v sovremennoj Ukraine // Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye issledovanija. 2015. № 3 (7). S. 72–77. (In Russ.) [*Koroliova G.I.* Transformation of the Conceptual Foundations of Historical Science in Modern Ukraine // Bulletin of Omsk State Pedagogical University. Series: Humanities Research. 2015. № 3 (7). P. 72–77.]

*Kurylev K.P., Kurbanov R.M., Makenova A.B., Hotivrishvili A.A.* Migracionnye potoki iz Central'noj Azii v strany Evropejskogo sojuza // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija: Mezhdunarodnye otnoshenija. 2018. T. 18. № 2. S. 315–327. (In Russ.) [*Kurylev K.P., Kurbanov R.M., Makenova A.B., Khotivrishvili A.A.* Migration Flows from Central Asia to European Union Countries // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations. 2018. Vol. 18. № 2. P. 315–327.]

*Mahmutova E.V.* Vlijanie antirossijskih sankcij na Evrazijskij jekonomicheskij sojuz // Vestnik mezhdunarodnyh organizacij. 2019. T. 14. № 3. S. 99–116. (In Russ.) [*Makhmutova E.V.* The Impact of Anti-Russian Sanctions on the Eurasian Economic Union // International Organizations Research Journal. 2019. Vol. 14. № 3. P. 99–116.]

*Mironenko V.I.* O nekotoryh aspektah evrointegracii Ukrainy v 1991–2014 gg. European Union and Ukraine // Sovremennaja Evropa. 2018. № 4 (83). S. 68–78. (In Russ.) [*Mironenko V.I.* On Certain Aspects of Ukraine's European Integration in 1991–2014 // Contemporary Europe. 2018. № 4 (83). P. 68–78.]

Rossija v uchebnikah istorii stran Blizhnego i Postsovetskogo Vostoka, Kitaja: referativnyj sbor nik / otv. red. V.A. Avatkov. M.: INION RAN, 2024. 155 s. (In Russ.) [Russia in History Textbooks of the Middle East, the Post-Soviet East, and China: A Collection of abstracts / ed. by V.A. Avatkov. M.: INION RAN, 2024. 155 p.]

*Tsvetkov V.A.* Rossijsko-ukrainskie otnoshenija: mezhdu politikoj i jekonomikoj // Ukraina: informacionno-analiticheskij monitoring. 2009. № 7. S. 145–162. (In Russ.) [*Tsvetkov V.A.* Russian-Ukrainian Relations: Between Politics and Economics // Ukraine: Information and Analytical Monitoring. 2009. № 7. P. 145–162.]

*Tsvetkova N.A., Jarygin G.O.* Uchastie publichnoj diplomatii SShA v politicheskoj transformacii Ukrainy, 1990–2000-e gody // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya: Mezhdunarodnye otnoshenija. 2015. № 4. S. 68–81. (In Russ.) [*Tsvetkova N.A., Yarygin G.O.* The Role of US Public Diplomacy in the Political Transformation of Ukraine, 1990s–2000s // Vestnik of Saint Petersburg University. Series: International Relations. 2015. № 4. P. 68–81.]

*Usmanov K., Sadikov M.* Istorija Uzbekistana (1917–1991 gody): uchebnik dlja uchashhihsja 1-go kursa akademicheskih liceev i professional'nyh kolledzhej / per. s uzbekskogo: X. N. Bababekova. Tashkent: Shark, 2006. 264 s. (In Russ.) [*Usmanov K., Sadikov M.* History of Uzbekistan (1917–1991): Textbook for First-Year Students of Academic Lyceums and Vocational Colleges / Translated from Uzbek by Kh.N. Bababekova. Tashkent: Sharq, 2006. 264 p.]

*Ustjan R.* Kak USAID nauchilo armjan nenavidet' Rossiju // Monokl'. 2025. № 18 (1386). S. 51–56. (In Russ.) [*Ustyan R.* How USAID Taught Armenians to Hate Russia // Monokl. 2025. № 18 (1386). P. 51–56.]

*Vardomskij L.B., Pylin A.G.* Jekonomicheskoe razvitie Rossii i Ukrainy v kontekste vzaimnyh otnoshenij // Rossija i sovremennyj mir. 2013. № 3 (80). S. 72–89. (In Russ.) [*Vardomsky L.B., Pylin A.G.* Economic development of Russia and Ukraine in the context of mutual relations // Russia and the Modern World. 2013. № 3 (80). P. 72–89.]

*Zhirun I.V.* Formirovanie ukrainskoj identichnosti: grazhdanskaja, jetnicheskaja ili postkolonial'naja? // Rossija i mir v XXI veke. 2021. № 3 (112). S. 145–164. (In Russ.) [*Zhirun I.V.* The Formation of Ukrainian Identity: Civic, Ethnic, or Post-Colonial? // Russia and the World in the 21st Century. 2021. № 3 (112). P. 145–164.]

*Zhil'cov S.S.* Vneshnjaja politika Ukrainy: 1991–2014 gg. // Vneshnjaja politika novyh nezavisimyh gosudarstv: sbornik / otv. red. B.A. Shmeljov. M.: IJe RAN, 2015. S. 69–95. (In Russ.) [*Zhiltsov S.S.* Ukraine's

Foreign Policy: 1991–2014 // Foreign Policy of the New Independent States: A Collection / ed. by B.A. Shmelev. M.: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (IE RAS), 2015. P. 69–95.]

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

**Букреева Татьяна Николаевна,** кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений и государственного управления Юго-Западного государственного университета (Курск, Россия).
*E-mail: bukreeva@gmail.com*

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

**Tatiana N. Bukreeva,** candidate of political sciences, associate professor of the Department of International Relations and Public Administration of Southwest State University (Kursk, Russian Federation).
*E-mail: bukreeva@gmail.com*